

Научная статья

УДК 94(510.4); 94(574); 94(470)“16/18”

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-150-162

**Записка Парфения (Агеева) о присоединении к России Киргизской степи:
к истории христианизации среднеазиатских народов****Ирина Юрьевна Смирнова***Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия**irinasmirnowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>*

В контексте изучения истории православного присутствия России в Средней Азии и Западном Китае осуществляется анализ известного нарративного источника – записки схиигумена Парфения (Агеева 1806–1878 года) «Первые известия о русских в Кульдже» с точки зрения её объективности и соответствия историческим событиям второй половины XIX в., связанным с присоединением к Российской империи среднеазиатских территорий, таким как учреждение российских консульств в Кульдже и Чугучаке (1851), судьба русских факторий в период Дунганского восстания (1850–1860-е гг.), Кульджинский поход генерала Г. А. Колпаковского и присоединение Кульджинского края к Туркестанскому генерал-губернаторству (1871), первые этапы переговоров о возвращении его Китаю (1870-е гг.). Особое внимание уделено главному сюжету повествования Парфения – православной христианизации среднеазиатских народов, принявших российское подданство. Методологической базой служили методы исторической науки (хронологический, компаративный, контент-анализа и др.) с привлечением результатов исследований авторитетных историков и не введённых в научный оборот архивных документов из российских архивов в целях соблюдения принципов историзма и объективности. В процессе исследования, основанного на привязке сюжетов из текста схиигумена Парфения (Агеева) к конкретным событиям из истории приобретения Российской империей среднеазиатских владений, удалось реконструировать описанную Парфением картину, скорректировать допущенные автором недочёты. Как показали результаты анализа, представленная Парфением картина, несмотря на встречавшиеся в повествовании отступления от хронологических и географических рамок, в главных чертах соответствует реальным событиям и может служить свидетельством добровольной аккультурации населения присоединённых территорий. В этом отношении повествование о Парфения является ценным историческим источником, который следует учитывать при реконструкции процессов миграции, ассимиляции и христианизации народов Киргизской степи и Западного Китая.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, присоединение Средней Азии к России, Илийский край, Киргизская степь, Западный Китай, православное миссионерство, Парфений (Агеев)

Original article**The Narrative of Parthenius (Ageev) on the Accession of the Kyrgyz Steppe to Russia:
from the History of Christianization of Central Asian Peoples****Irina Yu. Smirnova***Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia**irinasmirnowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>*

In the context of studying the history of the Orthodox presence of Russia in Central Asia and Western China, we have analyzed the well-known narrative source – the note of schema-abbot Parthenius (Ageyev 1806–1878) “First news of the Russians in Ghulja” from the point of view of its objectivity and correspondence to the historical events of the 3rd quarter of the XIXth century, associated with the annexation of Central Asian territories to the Russian Empire, such as the establishment of Russian consulates in Kuldzha and Chuguchak (1851), the fate of Russian trading posts during the Dungan uprising (1850s – 1860s), the Kuldzha campaign of General G. A. Kolpakovsky and the annexation of the Kuldzha region to the Turkestan General Government (1871), the first stages of negotiations on its return to China (1870s). We pay particular attention to the main plot of Parthenius’s narrative – the Orthodox Christianization of the Central Asian peoples who accepted Russian citizenship. The methodological basis was the methods of historical science (chronological, comparative, content analysis, etc.) with the involvement of the results of research by authoritative historians and archival documents

from Russian archives that were not introduced into scientific circulation in order to comply with the principles of historicism and objectivity. In the process of research based on linking plots from the text of schema-abbot Parthenius (Ageev) to specific events from the history of the acquisition of Central Asian possessions by the Russian Empire, it was possible to reconstruct the picture described by Parthenius and correct the shortcomings made by the author. As the results of the analysis have shown, the picture presented by Parthenius, despite the deviations from the chronological and geographical framework, corresponds in the main to the real events and can serve as evidence of the voluntary acculturation of the population of the accession territories. In this respect, the Fr. Parthenius' narrative is a valuable historical source that should be taken into account when reconstructing the processes of migration, assimilation and Christianization of the peoples of the Kyrgyz steppe and Western China.

Keywords: Russian-Chinese relations, the accession of Central Asia to Russia, Ili region, Kyrgyz steppe, Western China, Orthodox missionary, Parthenius (Ageev)

Введение. Записка известного духовного писателя и миссионера иеросхимонаха Парфения (Агеева) «О русских в Кульдже и присоединении к России Киргизской степи», составленная им в 1875 г. как по собственным воспоминаниям, так и по сведениям, полученным от лиц, имевших отношение к «илийскому вопросу» [1], вошла в историографию по истории российско-китайско-среднеазиатских отношений второй трети XIX в. как нарративный источник, представляющий интерес с точки зрения реконструкции миграционных процессов населения Средней Азии и Западного Китая и его интеграции в социальную, экономическую и культурную жизнь России.

Обращение о. Парфения, известного прежде всего автобиографическими литературными трудами¹ и миссионерским служением среди старообрядцев², в последние годы жизни к истории Православия в Западном Китае и Средней Азии свидетельствует о ключевом значении данной проблематики в его судьбе. С ней связаны первые годы его пребывания в России при Томском архиерейском доме (1847–1854), переписка с Филаретом, митрополитом Московским, по вопросу направления Парфения в Кульджу в качестве иеромонаха-миссионера (1851–1852), поступление в Гефсиманский скит (август 1854 г.), в который он возвратился,

¹ Парфений (Агеев), инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: в 2 т. – Новоспасский монастырь, 2008. – 824 с.; Парфений (Агеев), монах. Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне). – М.: Индрик, 2009. – 255 с.

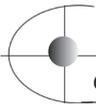
² Парфений (Агеев), монах. Письмо православного инока-священника, схимника, к старообрядцу в Молдавии, 1863; Парфений (Агеев), монах. Опровержение «Записки о русском расколе», написанное в Спасо-Преображенском Гуслицком монастыре Игуменом Парфением. – М.: Тип. Семена, 1864. – 168 с.; Парфений (Агеев), монах. Меч духовный на поражение раскольнической апологии. – М.: Тип. П. Глушкова, 1864. – 92 с. и др.

когда вышел на покой в 1872 г. после настоятельства в Николо-Берлюковской пустыне и Спасо-Преображенском Гуслицком монастыре. Благодаря о. Парфению состоялось знакомство синодальных и правительственных кругов с фактом присутствия в Кульдже потомков албазинских казаков, что в начале 50-х гг. XIX в. инициировало постановку вопроса о миссионерстве в Средней Азии и Западном Китае³. Между тем возникает вопрос, насколько соответствует повествование Парфения 1875 г. таким ключевым для истории российско-китайских отношений событиям, как процессы присоединения к Российской империи среднеазиатских владений в 1850–1870-х гг.

В данной статье впервые предпринимается попытка наложить повествование о. Парфения (Агеева) на историческую, хронологическую и географическую «сетку» в целях выявления степени объективности и исторической достоверности анализируемого текста.

Обзор литературы. История вхождения среднеазиатских владений в состав Российской империи и миграционных приграничных процессов имеет обширную историографию, посвященную как военно-политическим аспектам российско-китайских отношений, так и демографическим процессам и социокультурной интеграции народов Западного Китая в России. В трудах Н. А. Халфина и Б. П. Гуревича [2; 3], базирующихся на документах российских архивов, детально прослеживаются ключевые этапы процесса присоединения Средней Азии и Илийского края к Российской империи, что позволяет соотносить свидетельства о. Парфения о миграции населения Киргизской степи и

³ Парфений (Агеев), монах. Русские в Бухаре и в Китае. Рассказ мещанина П[орфирия] У[фимцева] иноку Парфению в Томске, в 1851 году // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. – М., 1859. – С. 339–347.

Илийского края с политическими реалиями в регионе. Политические отношения между империей Цин и Россией в контексте поднятого в конце 1850-х гг. пограничного вопроса нашли отражение и в работах иностранных авторов [4; 5], свидетельствующих о внимании к истории российско-китайских политических отношений, а также к проблематике присоединения к России Средней Азии в зарубежных научных кругах [6].

Исследования демографических процессов в Западном Китае, Киргизской степи, а впоследствии и в Туркестанском крае нашли отражение в исследованиях, базирующихся на документах китайских [7], казахских [8; 9] и других региональных архивов [10; 11]. Однако, несмотря на основательную фундированность этих научных трудов, вопросы, связанные с христианизацией присоединённых к России среднеазиатских народов, в них не рассматривались. Для настоящего исследования особенно полезными были исследования Д. В. Васильева и С. А. Асановой, в которых последовательно и, что особенно ценно, с учётом религиозного фактора прослеживаются процессы миграции из Китая на территории, подвластные России [12; 13].

Большое внимание в историографии уделено миссионерской проблематике как важному фактору внешней политики великих держав на Дальнем Востоке. Работе западных миссионеров посвящены труды иеромонаха Николая (Адоратского) [14] и советского востоковеда А. А. Мурадян [15]. История Русской духовной миссии в Пекине являлась предметом многолетнего исследования С. А. Шубиной [16]. К истории христианства в Китае неоднократно обращались западные учёные, в трудах которых нашла отражение не только история распространения христианства [17; 18], но и деятельность различных миссионерских обществ, относившихся к той или иной конфессии [19].

Однако остаётся ряд аспектов, не нашедших достаточного отражения в научной литературе. Это прежде всего относится к истории миссионерства в Западном Китае: так, если история конфессионального присутствия великих держав в Восточном Китае неоднократно оказывалась в фокусе внимания российских и зарубежных учёных, то история миссионерства в Синьцзяне, за исключением ряда работ [20; 21], остаётся вне внимания историков. В последнее

время наблюдается интерес исследователей к церковному аспекту русско-китайских отношений, нравственному состоянию населения в приграничных территориях [22], истории русского духовного и культурного присутствия в Западном Китае [23; 24]. На общем фоне выделяются своей фундированностью исследования С. И. Степановой о распространении православия в Туркестане и Синьцзяне [25]. При этом всё ещё недостаточно изучена история православных храмов Западного Китая и православной христианизации Туркестанского края на ранних этапах его вовлечения в политическую орбиту Российской империи. В этом отношении записка Парфения (Агеева) представляет особый интерес как один из первых нарративов, в котором сделана попытка осветить этот важный в геополитическом отношении процесс.

Методы исследования. Сложные миграционные процессы в Киргизской степи и Илийском крае, связанные с проникновением России в данный регион и нашедшие отражение в записке о Парфения, охватывают временной интервал в четверть века (1850–1875). Однако из-за отсутствия в авторском тексте чётких хронологических привязок идентификация событий в изложении о Парфения вызывает затруднения, поскольку не всегда возможно сопоставить описанные события с фактами политической истории российско-китайских отношений в пограничной зоне между Западным Китаем (совр. Синьцзян) и Россией. Не очевидно также, о каких именно миграционных процессах идёт речь, так как переселение из Китая в российские пределы осуществлялось в несколько этапов, в зависимости от военно-политической ситуации в Семиреченском регионе и Илийском крае. Поставленная в исследовании задача определила применение в исследовании методов синхронизации, сравнительного контент-анализа, хронологического метода, а также методов источниковедческого анализа, необходимых при работе с архивными документами.

Результаты исследования и их обсуждение. *«Русские» китайцы и официальный Петербург.* За исходную точку взята первая конкретная дата повествования, где упоминается о начале переписки с митрополитом Московским Филаретом. Письмо Парфения от 13 августа 1851 г.¹, в котором

¹ ОР РГБ. – Ф. 316/2. – К. 4. – Ед. хр. 31.

он приводит рассказ купца Г. А. Уфимцева о потомках русских казаков и выражает готовность отправиться миссионером в Кульджу, вызвало живой отклик святителя. В письме от 10 июля 1852 г. он сообщил полученные сведения обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову с предложением «о командировании в Кульджу присоединившегося из раскола к православию Парфения для исправления служб у тамошних русских военнопленных»¹; обер-прокурор в свою очередь довёл информацию до сведения императора Николая I.

В соответствии с резолюцией императора, что это *святое дело* «требует большой осторожности»², в Синод поступило заключение вице-канцлера графа К. В. Нессельроде, в котором проект Парфения и Филарета об отправлении православных миссионеров как в Западный Китай, так и в среднеазиатские владения (в данном случае в Ташкент и Коканд) был фактически отвергнут³. По мнению МИД, миссионерство в Западном Китае «представило бы для нас немалые затруднения и даже, при неосторожном действии, могло бы навлечь разные неприятности»⁴. Таким образом, подтвердились опасения митрополита Московского, что МИД усмотрит в предложении о миссионерстве «политическую опасность», а Св. Синод не решится на какие-либо действия без его одобрения⁵.

Парфений, однако, был убеждён, что доведение до сведения императора информации о «русских китайцах» в Кульдже инициировало решение Государственного Совета об отправлении «несколько сот казаков в Киргизскую степь» [1, с. 14]. Однако командирование отряда казаков в Киргизскую степь не было связано с известием о китайцах-христианах: у правительства были иные и весьма весомые причины для отправления казаков, связанные с заинтересованностью России в развитии русско-китайской торговли на западном направлении,

чему способствовало подписание 25 июля 1851 г. Кульджинского трактата.

Кульджийский трактат не только играл существенную роль в расширении экономических связей между Россией и Синьцзяном, «одном из узловых пунктов мировой истории» [28, с. 214], но был важен и в политическом отношении. В качестве следующего шага после подписания трактата был поднят вопрос о «неотложной необходимости прочного занятия Заилийского края» [2, с. 42].

Барон Врангель, командированный в феврале 1852 г. в Синьцзян для устройства российских факторий и консульств в Кульдже и Чугучаке, в донесениях в Азиатский департамент МИД от 11 и 24 ноября 1852 г. привёл ряд аргументов, подчёркивавших необходимость укрепления пограничных с Китаем среднеазиатских владений.

В качестве необходимой меры для восстановления порядка среди русскоподданных киргизов, обеспечения караванных путей и усиления российского влияния на Большую Орду Врангель считал целесообразным занять левый берег р. Или. Подразумевалось также воспрепятствовать строительству китайской крепости на левом берегу р. Или, которое позволило бы китайскому правительству выстроить общую пикетную линию от Кульджи до Аксу, что могло помешать развитию торговых отношений России с Кашгаром⁶. Следующим шагом должно было стать назначение там, «как в центре Орды», пристава, в распоряжение которого предполагалось предоставить отряд казаков «при пехоте и артиллерии»⁷. Именно прогнозы барона Врангеля, а отнюдь не обращение митрополита Филарета к императору, инициировали проект создания новых «промежуточных» станиц вблизи китайской границы для обеспечения безопасности торговых путей.

Инструкции вице-канцлера графа К. В. Нессельроде, адресованные генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфордту о занятии левого берега р. Или, составленные в декабре 1852 г., полностью соответствовали предложениям барона Врангеля. Отмеченные им проблемы убедили российское правительство в необходимости устройства нового казацкого поселения на тракте, связывающем Копал и Кульджу. **8 февраля 1854 г.** было издано Высочай-

⁶ АВПРИ. – Ф. СПб ГА IV-2. – Оп. 119. – Д. 4. – Л. 175–176; 181–181 об., 183.

⁷ Там же. – Л. 182 об.

¹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. – СПб.: Синодальная тип., 1885. – Т. 3. – С. 469–472.

² ОР РГБ. – Ф. 302. – К. 2. – Ед. хр. 15. – Л. 2 об.

³ Там же. – Л. 3–5.

⁴ Там же. – Л. 3 об.

⁵ Письмо от 8 января 1852 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867. – СТСЛ. – 2007. – Т. 2. – С. 191.

шее повеление о заселении Семиречья и Заилийского края казаками и государственными крестьянами из Томской и Тобольской губерний с зачислением последних в казаки.

Основание нового поселения. Выдвижение в Киргизскую степь нескольких сот казаков, чему был свидетелем о. Парфений, он относит к весне 1852 г. (т. е. задолго до начала переписки Филарета Московского с обер-прокурором Св. Синода) [1, с. 15]. Описанные в записке события 1852–1853 гг. – встречу казаков с «ханами и старейшинами», просившими принять их в российское подданство, выбор удобного места для будущего города, – Парфений соотносит с основанием нового поселения, ошибочно называя его, ссылаясь на торговавших в Киргизской степи русских купцов, Копалом [Там же, с. 16]. Однако Копальское укрепление основано в 1847 г., после того как родоначальники главных пяти племён Большой, или Юсуповской, Орды приняли присягу на верноподданство России и по согласованию с начальством Большой Орды за границу владений, на которые распространялось влияние пристава при русскоподданных киргизах Большой Орды, была принята река Или [2, с. 41]. Укрепление стало местом пребывания пристава Большой Орды со стороны России¹ и служило связующим звеном между российским консульством и факторией в Кульдже и российскими владениями в Киргизской степи.

В тексте Парфения, по всей видимости, идёт речь о так называемом Заилийском военном укреплении, основанном согласно высочайшему указу 4 февраля 1854 г. и позже переименованном в Верненское, получившее в 1856 г. статус города Верное. Тот факт, что устройство нового военного поселения Верное и занятие долины р. Или было связано в первую очередь с целью обеспечения безопасности российских границ, в соответствии с проектом барона Врангеля, подтверждает и историк Д. В. Васильев, относя необходимость «укрепления позиций в регионе и формирования единой пограничной линии от Сырдарьи до р. Чу» к вынужденной мере, вызванной межклановыми и антиправительственными беспорядками в Киргизской степи. «Во исполнение этого решения в 1854 г. было заложено укрепление Верное и занята долина р. Или» [12, с. 118–119].

¹ АВПРИ. – Ф. 252. – Оп. 889. – Ед. хр. 26. – Л. 1.

В тексте о. Парфения приводится описание процесса заселения новой станицы и добровольной ассимиляции переселенцев из Синьцзяна, где автор ставит акцент на их последующей христианизации. Однако процесс интеграции этноконфессионального населения Илийского края и Киргизской степи в российское общество продолжался на протяжении нескольких десятилетий (1850–1870-е гг.). О «размытости» описываемого хронологического периода свидетельствует, в частности, приведённый автором записки факт, что «вся Киргизская степь разделена на шесть областей и двести волостей», который в действительности относится к реформам барона фон Кауфмана 1860-х гг.

При этом сообщение Парфения о прибытии в Томск весной 1853 г. посланца от начальника казачьей станицы с просьбой к архиерею об отправлении православного клира со всем необходимым для устройства церкви с большой долей вероятности можно отнести к устройению первой православной церкви в Семиречье, вероятно, в Аргузе (с 1860 г. – Сергиополь), так как другие поселения были основаны позже: Верненское – в 1854 г., Борохудзир – в 1864 г. Строительство Софийской церкви в Верном относят к 1858 г. [27]. Впоследствии в ряде поселений были устроены церкви, но их строительство осуществлялось в 70-х гг. после учреждения Туркестанской епархии.

Вопрос о миссионерстве. Ещё одна неточность, допущенная Парфением, связана со временем учреждения российских консульств в Кульдже и Чугучаке, которое он относит к послекрымскому периоду, в то время как решение об основании консульств было принято в 1851 г., а открыты они весной 1852 г. с прибытием консулов И. И. Захарова и А. А. Татаринова². Помимо чисто торговых интересов, учреждение дипломатических постов в Западном Китае имело важное политическое значение, послужив существенным этапом российской политики, ориентированной с середины XIX столетия на стабилизацию обстановки в областях, пограничных с Киргизской степью [2, с. 45].

О. Парфений справедливо относит устройство домовых церквей при консульстве и назначение к ним священников к послевоенному времени. Однако в реальности дело обстояло сложнее, прежде всего, из-за

² АВПРИ. – Ф. 252. – Оп. 889. – Ед. хр. 3. – Л. 16–16 об.

отношения Министерства иностранных дел к «церковному вопросу» в Западном Китае и на присоединённых к России среднеазиатских территориях.

Из переписки МИД и Св. Синода во второй половине 1852 г. по вопросу о командировании в Кульджу священника-миссионера видно нежелание министерства форсировать устройство церквей при консульствах. Из опасений «навлечь на себя лишние подозрения местных китайских властей» министерство оставляло это дело на усмотрение русских купцов, которым не воспрещалось устраивать церковь на территории факторий «при некотором, может быть, пособии со стороны правительства»¹.

Неутешительным был и вердикт в отношении направления священника-миссионера в Ташкент и Коканд. Понимая под православными в этих городах прежде всего беглых казаков, руководство МИД не считало целесообразным «заботиться о сих людях и доставлять им утешения веры», находя, что это может послужить к «поощрению подобных побегов»².

Об отношении МИД к православной миссии в среднеазиатском регионе свидетельствует, в частности, его переписка с Военным министерством по вопросу командирования в 1858 г. священника с дипломатической миссией под руководством Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару³. В военном ведомстве вопрос о необходимости включения священника в состав миссии не обсуждался как дело само собой разумеющееся. С учётом того, что миссии предстояло находиться «в магометанской земле», а конвой состоял из «уральских казаков-раскольников», министерство настаивало на строгом отборе подходящего духовного лица, к которому, в силу специфики посольства, предъявлялись особые требования: «быть кротким, осмотрительным и незлобивым, уметь исполнять неуклонно свои обязанности втайне, без огласки, могущей возбудить озлобление» и т. д.⁴

Однако Министерство иностранных дел не посчитало возможным включить священника в состав миссии, пребывание которой в Хиве и Бухаре могло оказаться продолжительным. В МИД согласились лишь на то, чтобы был отправлен священник для смены капеллана при флотилии на Аральском

море, и ограничили его пребывание в миссии переходом из Оренбурга через степь до Аральского моря⁵.

Позиция правительства в отношении устройства православных церквей в Китае долгое время оставалась неизменной и в дальнейшем. В частности, когда в 1865 г. решался вопрос об основании Миссионерского общества для «распространения христианства между инородцами-нехристианами и язычниками, населяющими империю и пограничные к нам места», со стороны Министерства внутренних дел была сделана особая оговорка, что до принятия решений об отправлении миссионеров в Среднюю Азию Совет Общества должен обратиться к начальству пограничных областей, чтобы убедиться, что деятельность миссий «не породит каких-либо запутанностей или беспорядков внутри подвластных нам нехристианских населений»⁶.

С точки зрения руководства МИД, распространение православия в Китае могло вызвать антироссийские протесты со стороны китайских властей, буддистского и мусульманского духовенства и местных жителей, и потому ответственность за устройство церкви перекладывалась на купеческий и казачий контингент⁷.

Несмотря на то, что при планировании фактории в Кульдже на общем плане было указано место будущего православного храма [26, с. 216], церковь построена, по всей вероятности, в середине 1850-х гг. Но уже в 1860 г. в церкви при консульстве в Кульдже священника не имелось⁸. Церковь при консульстве в Чугучаке была «совершенно отстроена» только в 1862 г.⁹ В середине 1860-х гг. обе церкви разделили судьбу консульств и факторий в связи с Дунганским восстанием.

Дунганское восстание и судьба российских консульств в 1860-е гг. Согласно тексту Парфения, «вскоре на эту китайскую страну напали кашгарцы-магометане, ...разрушили самые города Кульджу и Чебучак и уничтожили в них консульства и церкви» [1, с. 16]. Речь идёт о событиях 1860-х гг., когда в результате Дунганского восстания, одного из самых жестоких конфликтов, унесших жизни

⁵ Там же. – Л. 106–106 об.

⁶ АВПРИ. – Ф. 144. 1865. – Оп. 488. – Ед. хр. 3028. – Л. 2.

⁷ Там же. – Ф. 143. – Оп. 491. – Д. 574. – Л. 6.

⁸ Там же. – Ф. 252. – Оп. 889. – Ед. хр. 26. – Л. 109.

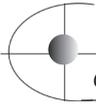
⁹ Там же. – Ф. 161. IV-34. – Оп. 145. – Д. 1. – Л. 1–3.

¹ ОР РГБ. – Ф. 302. – К. 2. – Ед. хр. 15. – Л. 3 об. – 4.

² Там же. – Л. 4–5.

³ ГАРФ. – Ф. 730. – Оп. 1. – Ед. хр. 326.

⁴ Там же. – Л. 105–105 об.

от 8 до 15 миллионов человек, в 1865 г. были разрушены и разграблены российские фактории в Кульдже и Чугучаке. Консул в Кульдже К. И. Павлинов был вынужден выехать в Копал, но позже прибыл в Верное, откуда удобнее было наблюдать за ходом событий в Китае. Несмотря на призывы к консулу со стороны Илийских властей возвратиться в Кульджу в сопровождении конвойного отряда, российское правительство, занявшее позицию «строго держаться принципа невмешательства»¹, не находило это возможным, усматривая в настойчивости китайцев попытки втянуть Россию в конфликт.

Если в конце 1860-х гг. в МИД ещё не оставили надежд на восстановление консульств², то в 1874 г. было принято решение об упразднении обоих консульств, так как «при настоящих смутах в Монголии содержание в сей стране наших консулов оказывается невозможным» (при возможном их восстановлении впоследствии или учреждении новых консульств «в тех местах Монголии и Дзюнгарии, где присутствие наших агентов окажется наиболее целесообразным»³).

Процессы миграции в Россию. Восстание дунган и противодействие ему китайского правительства вызвало волну переселения населения Синьцзяна на территорию России. О переходе в российские владения некоего жителя Западного Китая «как китайского, так и туркестанского происхождения» предупреждал военный министр Милютин в записке от 19 декабря 1864 г., высказывая мнение о заинтересованности России в «водворении их в наших незаселённых местностях» ввиду их трудолюбия, миролюбия, способности к земледелию и ремеслам [2, с. 182].

Консул Павлинов, вынужденный в связи с беспорядками в Илийском крае перебраться в Омск «до решения наших дел с маньчжурами», выражал готовность «поспешить через месяц-два на границу для наблюдения дальнейших действий дунган и для оказания гостеприимства маньчжурам, ищущим убежища в наших пределах»⁴.

В 1865–1867 гг. был проведён ряд административных реформ: в начале 1865 г.

¹ АВПРИ. – Ф. 161. IV-2. – Оп. 119. – Д. 13. – Л. 27.

² Там же. – Ф. 161. IV-34. – Оп. 145. – Д. 1. – Л. 45–45 об.

³ Там же. – Л. 108.

⁴ Там же. – Ф. 161. IV-2. – Оп. 119. – Д. 13. 1865. – Л. 27–28 об.

в составе Оренбургского генерал-губернаторства образована Туркестанская область, позже в него вошла Сырдарьинская область [12, с. 121, 141]. 11 июля 1867 г. издан высочайший указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства [Там же, с. 143] в составе двух областей, Сырдарьинской и Семиреченской.

В связи с тем, что Кульджа и Чугучак оказались вблизи границы вновь образованной Семиреченской области, на её территории оказалось много переселенцев из Китая. В связи с такими характерными для населения Илийского края чертами, как мультинациональность и этнорелигиозность, выявление национальной принадлежности представителей различных племён, претендовавших на подданство Российской империи, требует отдельного исследования и связано с большими трудностями: если Парфений в своём повествовании называет их «китайцами», имея в виду их прежнее, до переселения в Россию, китайское подданство, то в административной корреспонденции 1860–1870-х гг. о них писали, как правило, как о «киргизах», не выделяя их принадлежности той или иной этнической группе.

Генерал-губернатор Туркестанской губернии К. П. Кауфман характеризовал население новых подданных России как «смешанное и часто неопределимое по этнографическим признакам» [Там же, с. 279]. Были приняты меры, регулирующие интеграцию новых подданных, которые связывают непосредственно с необходимостью «решения вопроса обустройства беженцев», в том числе посредством «обращения их в российское подданство и православие» [13, с. 38]. И хотя у российских властей возникали сомнения в их искренней готовности вступить в подданство Российской империи [22], требования к чиновникам, ответственным за принятие в Россию новых подданных, включали такие пункты, как соблюдение и защита их прав, справедливое осуществление местного судопроизводства, попечение об их «нравственных и материальных нуждах» и др. [12, с. 123].

В работе Д. В. Васильева и С. А. Асановой сделана попытка идентифицировать национальную принадлежность переселенцев, принявших российское подданство в первую волну миграции в связи с началом Дунганского восстания. К ним относят главным образом оседлых калмыков, в 1865 г. по-

селившихся в окрестностях г. Верного; другие беженцы направились в сторону ст. Лепсинской. Число эмигрировавших на протяжении 1865–1867 гг. в Копальский уезд беженцев составило «более 3 000 чел., около половины из которых были оседлыми», что привело к образованию большой колонии вблизи Копала. Численность кочевых калмыков, разместившихся в Верненском уезде, составляла до 8000 человек [13, с. 39].

В октябре 1867 г. в российское подданство было принято более 280 семейств китайских эмигрантов [29, с. 205]. Однако вскоре из-за задержек в исполнении указаний барона фон Кауфмана¹ часть киргизов, не дождавшись принятия их в русское подданство, отправились обратно в Кульджу². Допуская вероятность возвращения в Китай и других киргизских племён, вице-консул Виргилин предупреждал, что если Россия не воспользуется желанием киргизов присоединиться к империи и не поспешит с принятием их в подданство, то со временем вблизи российской границы могут появиться «хотя и не опасные, но всё-таки неприятные соседи, которые могут неблагоприятно влиять на наших киргизов»³.

В целях предупреждения перекочевков киргиз в Китай и вторжения в российские пределы вооружённых китайцев или дунган военный губернатор Семиреченской области генерал-майор Г. А. Колпаковский распорядился снять отряд казаков, стоявший на р. Хатын-Су, оставив для наблюдения за границей и охраны торговых караванов «казачий пост под командой офицера из одного урядника и 15-ти казаков»⁴. О любых сведениях «тревожного характера», требующих срочных мер «для сохранения нашего достоинства на пограничном пространстве и для наказания нарушителей международного права», вице-консулу поручалось сообщать начальнику Урджарского отряда, в обязанности которого входило «действовать энергично и безотлагательно, сообразно с обстоятельствами»⁵.

Деятельность Русской церкви в Семиречье (1867–1870-е гг.). В связи с притоком населения Семиречья на повестке дня оказались вопросы его ассимиляции и аккультурации, решение которых военный гу-

бернатор Семиречья Колпаковский находил «возможным только под влиянием русского просвещения и веры», призывая «построить для иммигрантов церковь и школу и учредить при них должности священника-миссионера и учителя» [13].

В 1868 г. в Копальском и Верненском уездах епископ Тобольский Алексей принял в православие принявших российское подданство китайских эмигрантов. По данным И. В. Волкова, в одном только Копальском уезде в течение 1868–1872 гг. было крещено 721 человек, к которым «был направлен священник-миссионер для окормления, строительства церкви и открытия школы». В 1868 г. при Софийской церкви в г. Верном при участии консула в Кульдже Павлинова учреждено Семиреченское церковное братство, при котором с 1874 г. действовали школа и приют на 10 человек [29, с. 205].

Для более эффективного управления туркестанскими приходами высочайшим указом от 4 мая 1871 г. была учреждена Ташкентская и Туркестанская епархия с кафедрой в г. Верный, которую возглавил архиепископ Софония (Сокольский), управлявший епархией в 1872–1876 гг. В начале 1870-х гг. процесс христианизации распространился на города Бахты, Уржар, Кульджу, чему содействовали фон Кауфман и Колпаковский. В январе 1872 г. состоялось освящение православной церкви в Кульдже во имя святого пророка Илии, в то время приписанной к Томской епархии [27].

Надо полагать, именно к периоду конца 1860-х – начала 1870-х гг. относятся сведения о. Парфения о массовом принятии православия выходцами из Западного Китая⁶, хотя в тексте записки этот сюжет предшествует событиям Крымской войны. При этом слова о. Парфения о построении церквей «во всяком выселке» представляются преувеличенными: церквями, как правило, служили здания барачных, как в Борохудзире, а позже и в Джанкенте. В ряде случаев богослужения совершались в походной, войсковой или временной церкви. Так, например, в Кульдже первое богослужение было совершено 9–10 августа 1871 г. во временной церкви, для которой (а также для расположенного рядом госпиталя) «был куплен и переделан дом, принадлежавший одному из

¹ АВПРИ. – Ф. 348. – Оп. 887. – Ед. хр. 2. – Л. 2.

² Там же. – Л. 11.

³ Там же. – Л. 11 об.

⁴ Там же. – Л. 15.

⁵ Там же. – Л. 15–15 об.

⁶ «Все албазинцы из Кульджи крестились, надели русскую одежду и ходят по-русски... вообще сделались совершенно русскими и истинными христианами» [1, с. 16].

богатых и влиятельных родственников бывшего султана» [25]. Ни в Копале, ни в Джаркенте церкви не было построено до начала 1890-х гг., тем более их не было «во всяком выселке», которые возникали по мере основания первых казачьих станиц вдоль горного караванного пути в процессе освоения казаками Семиречья.

Присоединение к России Кульджинского ханства и его последствия. Истории взятия Кульджи и Чугучака, присоединения к России Кульджинского ханства и последующих переговоров о возвращении его Китаю, охватывающей 1871–1875 гг., в повествовании Парфения уделено всего несколько строк – центральным сюжетом для него по-прежнему оставался процесс миграции и воцерковления новых российских подданных. Вне фокуса его внимания остались такие сюжеты, как развитие политических взаимоотношений Китая и России, причины занятия Кульджинской области, полемика генералов фон Кауфмана и Колпаковского, настаивавших на военных действиях как превентивных мерах пресечения рисков российским территориям и подданным со стороны мятежников, с официальным Петербургом, продолжавшим придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела Китая.

Между тем события в Западном Китае и на российско-китайской границе послужили триггером к очередной волне массовой миграции населения из западных областей Китая. Грабительские набеги илийских уйгуров на российские пограничные посты и аулы в конце концов не оставили сомнений в необходимости взятия Кульджи и присоединения Кульджинского ханства к России [30, с. 65]. Одной из решающих причин военного похода 1871 г. стало осознание невозможности «допустить между собой и Китаем существование независимого разбойничьего государства» [31, с. 668]. Для «установления спокойствия на границе» в качестве оптимальной меры было принято решение образовать «из Кульджинского ханства особое владение» в вассальной зависимости от России [30, с. 65]. Итогом военной экспедиции под руководством Колпаковского стало взятие Кульджи (22 июня 1871 г.) и присоединение к России так называемого «Кульджинского района», представлявшего собой пятую часть Илийского края.

Полемика о судьбе Илийского края. Временный характер занятия Илийского

края с последующим выводом российских войск оговаривался ещё в 1871 г. в высочайшем указании цели операции: «оказать содействие китайцам к восстановлению их власти в отторгнутых западных провинциях империи» [32, с. 154]. Тогда же населению, оказавшемуся под юрисдикцией России, были даны обещания о невозвращении оккупированных территорий Китаю [33, с. 47].

К концу 1872 г. от плана правительства по возврату края Китаю готовы были отказаться в связи с возникшей напряжённостью в отношениях с Китаем. Условием для возврата территорий с российской стороны называлось занятие Китаем областей, находившихся между Китаем и Кульджинским районом, так как не исключались пограничные конфликты как на востоке со стороны Урумчи по окончании войны Якуб-бека с дунганцами, так и с независимыми племенами на севере Западного Китая¹.

В повествовании о Парфения нашло отражение состояние вопроса о передаче Илийской области Китаю на конец 1875 г. после предупреждения о предстоящих переменах и обещания предоставить населению возможность выехать в Россию [1, с. 16]. В записке с литературным мастерством и не вызывающими сомнения деталями переданы настроения жителей Кульджинского края задолго до официального возвращения его Китаю. Парфений выделяет такие события, как добровольное вступление в российское подданство, массовое принятие крещения и церковных таинств, сознательная ориентация на интеграцию в российскую среду.

Ценность записки Парфения заключается в том, что в ней, задолго до официального уведомления, отмечены первые сигналы тревоги пришлого населения Туркестана, среди которых были участники Дунганского восстания, по поводу возможного возвращения под власть китайского правительства. Этим отчасти подтверждается тот факт, что вопрос о дальнейшей судьбе занятой территории Западного Китая прорабатывался на протяжении 1870-х гг. Сообщения Парфения о настроениях в среде выходцев из Китая, принявших российское подданство², согласуются с воспоминаниями военного врача И. Зарубина, с лета 1877 г. находившегося в

¹ АВПРИ. – Ф. 161. – Оп. 71. 1872. – Ед. хр. 1. – Л. 1–1 об.

² «...Они не только вполне верноподданные России, но и положительно боятся, как бы она не отказалась от них и не возвратила Китаю» [1, с. 20].

Кульдже, где располагалась штаб-квартира 10-го линейного батальона Туркестанского округа [31, с. 670].

Вопрос о возврате Илийского края актуализировался после кончины Якуб-бека осенью 1877 г., когда китайцы, пользуясь слабостью и бесхарактерностью его сына и преемника, заняли без боя захваченные повстанцами города Кашгарии, а в начале 1878 г. и Кашгар [Там же, с. 669].

В предисловии к повествованию о. Парфения протоиерей Д. Ф. Косицын привёл выдержку из Московских ведомостей (1878 г., № 59) о реакции жителей Кульджинского края на «слухи» о его возвращении Китаю¹. Несмотря на уверения, опубликованные «для успокоения масс», что известия о возвращении Илийского края Китаю являются *базарными сведениями* [1, с. 6], полтора года спустя был подписан Ливадийский (20 сентября 1879 г.), а затем и Петербургский договор (12 февраля 1881 г.) о возвращении Кульджинского края Китаю. Незадолго до ратификации договора (7 августа 1881 г.) эксперты МИД настаивали на том, чтобы не спешить с ратификацией до чёткого согласования условий, опасаясь несоблюдения китайской стороной взятых обязательств².

Помимо уточнения границ и детально прописанных правил российско-китайской торговли, в договоре учитывались интересы жителей Илийского края, пожелавших остаться в России и принять российское подданство: для их размещения за Россией оставалась западная часть Илийского края (ст. 7). Число такого населения составило от 70 тысяч до 100 с лишним тысяч человек [4].

Вскоре после ратификации Петербургского договора были вновь открыты консульства в Кульдже и Чугучаке, оговаривалась возможность открытия консульств и в других городах Западного Китая и Монголии³. В инструкции консулам в Кульдже и Чугучаке предусматривалась защита прав российских подданных, оказавшихся на возвращённых Китаю территориях⁴.

В связи с предстоявшим выводом российских войск из Кульджи и переселением

русского населения в Джаркент настоятель кульджинского прихода обратился к генералу Колпаковскому с просьбой рассмотреть вопрос о переводе причта в Джаркент в связи с небезопасным пребыванием в Кульдже из-за «большого скопления китайского войска, склонного ко всякого рода беспорядкам» [25]. Его ходатайство было удовлетворено, а в русский приход в Кульдже, по просьбе консульства, раз в год во время великого поста командировался священник из Джаркента⁵, которому предписывалось «выполнять требы в войсках всего Джаркентского района, то есть по всей границе с Китаем по обеим берегам р. Или» [Там же].

Домовая церковь при российском консульстве в Кульдже, разрушенная в 1860-е гг., была устроена лишь в 1915 г. Эта походная церковь, освящённая во имя святителя Николая, размещалась в бараках конвоя при консульстве, «тогда как рядом высились великолепные мечети и китайские кумирни» [Там же]. В 1938 г. в Кульдже был выстроен постоянный храм, разрушенный в годы «культурной революции» [27]. Согласно сведениям М. В. Монгуш, храм в Кульдже был восстановлен в 1992 г. на средства китайских властей; его освящение было совершено в апреле 2003 г. прибывшим из Казахстана игуменом Вианором (Ивановым) [34].

Заключение. Проведённое исследование, цель которого заключалась в критическом анализе записки Парфения (Агеева) как нарративного источника, основанного как на личных воспоминаниях, так и на повествованиях его современников, имевших отношение к «илийскому вопросу», показывает, что, несмотря на встречающуюся хронологическую непоследовательность, географические неточности и недочёты, вызванные субъективными причинами, повествование о. Парфения представляет безусловный интерес как исторический источник, свидетельствующий о процессах миграции и ассимиляции как кочевых, так и осёдлых племён Киргизской степи и Западного Китая.

Процессы христианизации населения Туркестана во второй половине XIX в., когда, несмотря на традиционную гиперосторожность МИД и политическую нестабильность в регионе, в Туркестане и Илийском крае, в 1871–1882 гг. входившем в состав

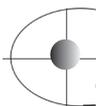
¹ «...Все население поголовно, как один человек, проникнуто тупым ужасом и возбуждением» [1, с. 5–6].

² ГАРФ. – Ф. 730. – Оп. 1. – Ед. хр. 433. – Л. 106.

³ Консульский патент для консула в Чугучаке Балкашева был выписан 30 апреля 1882 г. // АВПРИ. – Ф. 161. IV-2. – Оп. 119. 1879–1880. – Ед. хр. 2. – Л. 56.

⁴ Там же. – Л. 57, 59–59 об.

⁵ АВПРИ. – Ф. Китайский стол. – Оп. 491. – Ед. хр. 463. – Л. 4–4 об.

Российской империи, были устроены православные храмы, часовни, моленные дома, вполне коррелируются с событиями и фактами из повседневной жизни подданных Российской империи на присоединённых к ней среднеазиатских территориях, изложенными в записке о. Парфения, подтверждающих историческую достоверность. В этом отношении нельзя не согласиться с публикатором текста о. Парфения прот. Д. Ф. Косицыным, полагавшим, что «главный факт рассказа остаётся вне всякого сомнения и

самый рассказ является в высокой степени любопытную страницей в ряду повествований о многообразных приобретениях нашего отечества» [1, с. 6].

Рассмотренные сюжеты из церковной истории Туркестана и Синьцзяна позволяют говорить о том, что, несмотря на политические и религиозные катаклизмы, проект инок Парфения и Филарета Московского в конечном счёте был реализован, хотя далеко не в той степени, как того можно было ожидать.

Список литературы

1. Парфений (Агеев), инок. Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: рукопись инок Парфения, сообщенная Д. Ф. Косицыным // Русский вестник. 1878. № 9. С. 5–21.
2. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Изд-во Вост. лит., 1960. 272 с.
3. Гуревич Б. П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1982. С. 423–459.
4. Huges E. R. The Invasion of China by the Western World. N. Y.: Macmillan & Co., 1968. 318 p.
5. Scott D. China and the International System, 1840–1949: Power, Presence, and Perceptions in a Century of Humiliation. N. Y.: New York Press, 2008. P. 104–112.
6. Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1860–1917. N. Y.: Routledge, 2006. 287 p.
7. Шиханов Н. А. Политика правительства империи Цин по расселению калмыков-торгутов в Китае в конце XVIII в. // Клио. 2021. № 6. С. 90–94.
8. Баранова Ю. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881–1883 гг. // Труды сектора востоковедения Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 33–52.
9. Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 242 с.
10. Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М.: Ин-т рос. истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 244 с.
11. Тумайкина В. В. Вопрос о китайских эмигрантах, пришедших на территорию Семиречья во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 214–218.
12. Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015. 303 с.
13. Васильев Д. В., Асанова С. А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2023. Т. 22, № 1. С. 34–46. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46.
14. Николай (Адоратский), иеромонах. Положение миссионерства в Китае // Православный собеседник. 1895. № 5. С. 68–96.
15. Мурадян А. А. Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М.: Наука, 1971. 88 с.
16. Шубина С. А. Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII–XIX вв.) // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1. С. 189–193.
17. Whyte R. Unfinished Encounter: China and Christianity. London: Morehouse, 1988. 537 p.
18. Charbonnier J. Histoire des Chrétiens de Chine. Paris: Desclée, 1992. 426 p.
19. Madsen R. China's Catholics: Tragedy and Hope in an Emerging Civil Society. Los Angeles, London: University of California Press, 1998. 183 p.
20. Uhalley S. Jr. China and Christianity: Burdened Past, Hopeful Future. N. Y., 2015. 499 p.
21. Nightingale P., Skrine C. P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London: Routledge, 2013. 304 p.
22. Бижигитова К. С. Религиозно-нравственное состояние Сибирских и Семиреченских казаков (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2013. № 2. С. 16–20.
23. Монгуш М. В. Русское культурное наследие за рубежом (на примере Японии и Китая). Текст: электронный // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-kulturnoe-nasledie-za-rubezhom-na-primere-yaponii-i-kitaya/viewer> (дата обращения: 05.03.2024).

24. Комиссарова Е. Н. Проблемы изучения памятников культуры русской эмиграции в провинции Синьцзян в Западном Китае // *Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья* / отв. ред. О. Л. Лейкинд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 422–436.
25. Степанова С. И. Пророко-Ильинская церковь в городе Кульдже. 2021. URL: <https://starinariy.kz/library/category/21/document/32> (дата обращения: 04.03.2024). Текст: электронный.
26. Бухарин М. Д. Новые документы по истории изучения Восточного Туркестана из Турфанского собрания // *Новая и новейшая история*. 2021. № 1. С. 214–222. DOI: 10.31857/S013038640013389-5.
27. Лухтанов А. Г. Город Верный и Семиреченская область. Изд. 3-е, доп. и перераб. Алматы: [б. и.], 2014. 380 с.
28. Кудрявцева Е. П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М.: МГИМО-Университет, 2019. 590 с.
29. Волков И. В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2009. № 4. С. 203–206.
30. Асанова С. А. Смыслы российского присутствия в Центральной Азии на примере Кульджи // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020. Т. 25, № 5. С. 64–76. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.5.6.
31. Зарубин И. По горам и степям Средней Азии // *Русский вестник*. 1879. № 12. С. 658–674.
32. Прохоров А. А. К вопросу о советско-китайской границе. М.: *Международные отношения*, 1975. 288 с.
33. Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1913. 224 с.
34. Монгуш М. В. Русское культурное наследие в Синьцзяне. Текст: электронный // *Журнал Института наследия*. 2016. № 2. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/76.html> (дата обращения: 05.03.2024).

Информация об авторе

Смирнова Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; irinasmirnowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>.

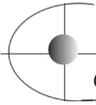
Для цитирования

Смирнова И. Ю. Записка Парфения (Агеева) о присоединении к России Киргизской степи: к истории христианизации среднеазиатских народов // *Гуманитарный вектор*. 2024. Т. 19, № 2. С. 150–162. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-150-162.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 14.05.2024.

References

1. Parfeniy (Ageev), enoch. The first news of the Russians in Gulja and the annexation of the Kyrgyz steppe to Russia: The manuscript of the monk Parthenius, reported by D. F. Kositsyn. *Russian Herald*, no. 9, pp. 5–21, 1878. (In Rus.)
2. Khalfin, N. A. Russian policy in Central Asia (1857–1868). M: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. (In Rus.)
3. Gurevich, B. P. The history of the "Ili Question" and its Chinese falsifiers. Ed. by Tikhvinskiy, S. L. Against falsification of the history of Russian-Chinese relations. M: Mysl', 1982: 423–459. (In Rus.)
4. Huges, E. R. The Invasion of China by the Western World. N. Y: Macmillan & Co., 1968. (In Eng.)
5. Scott, D. China and the International System, 1840–1949: Power, Presence, and Perceptions in a Century of Humiliation. SUNY Press, 2008. (In Eng.)
6. Marshall, A. The Russian General Staff and Asia, 1860-1917. Routledge, 2006. (In Eng.)
7. Shikhanov, N. A. The policy of the government of the Qing Empire on the settlement of Kalmyk-Torguts in China at the end of the 18th century. *Klio*, no. 6, pp. 90–94, 2021. (In Rus.)
8. Baranova, Yu. On the issue of resettlement of the Muslim population from the Ili region to Semirechye in 1881–1883. In *Proceedings of the sector of eastern leadership of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*. Vol.1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1959: 33–52. (In Rus.)
9. Bekmakhanova, N. E. Multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the XIX century – 1917). M: Izdatel'stvo "Nauka", 1986. (In Rus.)
10. Bekmakhanova, N. E. The accession of Central Asia to the Russian Empire in the 18th–19th centuries. M: Institut rossiiskoi istorii RAN; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. (In Rus.)
11. Tumaikina, V. V. The question of Chinese emigrants who came to the territory of Semirechye in the second half of the 19th century. *Izvestiya of Altai State University*, no. 4–5, pp. 214–218, 2008. (In Rus.)

12. Vasil'ev, D. V. Outpost of the Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Mid-19th century. M: IBP, 2015. (In Rus.)
13. Vasil'ev, D. V., Asanova, S. A. A Shelter for the Suffering: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s–1880s. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Russian history, no. 1, pp. 34–46, 2023. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>. (In Rus.)
14. Nikolay (Adoratskiy), hieromonk. The Situation of Missionary Work in China. Orthodox Interlocutor, no. 5, pp. 68–96, 1895. (In Rus.)
15. Muradyan, A. A. American missionaries in the countries of the Far East, Southeast Asia and Oceania in the 19th century. M: Nauka, 1971. (In Rus.)
16. Shubina, S. A. Diplomatic activities of the Russian spiritual mission in China (XVIII–XIX centuries). Yaroslavl Pedagogical Bulletin, no. 1, pp. 189–193, 2010. (In Rus.)
17. Whyte, R. Unfinished Encounter: China and Christianity. London: Morehouse, 1988. (In Eng.)
18. Charbonnier, J. Histoire des Chrétiens de Chine. Paris: Desclée, 1992. (In French)
19. Madsen, R. China's Catholics: Tragedy and Hope in an Emerging Civil Society. Los Angeles, London: University of California Press, 1998. (In Eng.)
20. Uhalley, S. Jr., Wu Xiaoxin. China and Christianity: Burdened Past, Hopeful Future. Armonk (N. Y.): M. E. Sharpe. 2015. (In Eng.)
21. Nightingale, P., Skrine C. P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London: Routledge, 2013. (In Eng.)
22. Bizhigitova, K. S. Religious and moral state of the Siberian and Semirechensk Cossacks (second half of the 19th – early 20th centuries). Bulletin of Abay KazNPU, series “Historical and socio-political sciences”, no. 2, pp. 16–20, 2013. (In Rus.)
23. Mongush, M. V. Russian cultural heritage abroad (on the example of Japan and China). Russian Regions: A Look into the Future. 2017. Web. 05.03.2024. <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-kulturnoe-nasledie-za-rubezhom-na-primere-yaponii-i-kitaya/viewer>. (In Rus.)
24. Komissarova, E. N. Problems of studying cultural monuments of Russian emigration in the province of Xinjiang in Western China. In Leykind, O. L. Fine arts, architecture and art history of Russian diaspora. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2008. (In Rus.)
25. Stepanova, S. I. Prophet Elijah Church in the city of Gulja. 2021. Web. 05.03.2024. <https://starinariy.kz/library/category/21/document/32>. (In Rus.)
26. Bukharin, M. D. New Documents on the History of Exploration of East Turkestan from the Turfan-Sammlung. New and recent history, no. 1, pp. 214–222, 2021. DOI: 10.31857/S013038640013389-5. (In Rus.)
27. Lukhtanov, A. G. The city of Verny and Semirechensk region. Almaty, 2014. (In Rus.)
28. Kudryavtseva, E. P. The Ministry of Foreign Affairs in the second quarter of the 19th century. M: MGIMO–Universitet, 2019. (In Rus.)
29. Volkov, I. V. Missionary work and state-religious relations in Turkestan. Bulletin of Saratov State Socio-Economic University, no. 4, pp. 203–206, 2009. (In Rus.)
30. Asanova, S. A. The meaning of the Russian presence in Central Asia using the example of Kulja. Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relationships, no. 5, pp. 64–76, 2020. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.5.6. (In Rus.)
31. Zarubin, I. Along the mountains and steppes of Central Asia. Russian Herald, no. 12, pp. 658–674, 1879. (In Rus.)
32. Prokhorov, A. A. On the issue of the Soviet-Chinese border. M: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. (In Rus.)
33. Kuropatkin, A. N. The Russian-Chinese question. Saint Petersburg: Tip. t-va A. S. Suvorina “Novoe vremya”, 1913. (In Rus.)
34. Mongush, M. V. Russian cultural heritage in Xinjiang. Journal of the Heritage Institute, no. 2, 2016. Web. 05.03.2024. <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/76.html>. (In Rus.)

Information about the author

Smirnova Irina Yu., Doctor of History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 19 Dmitry Ulyanov st., Moscow, 117292, Russia; irinasmirnowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4450-6885>.

For citation

Smirnova I. Yu. The Narrative of Parthenius (Ageev) on the Accession of the Kyrgyz Steppe to Russia: From the History of Christianization of Central Asian peoples // Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, no. 2. P. 150–162. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-2-150-162.

**Received: April 10, 2024; approved after reviewing May 12, 2024;
accepted for publication May 14, 2024.**